

два рассказа

В прошлом номере под рубрикой «Новое имя» были опубликованы главы из романа молодой казанской писательницы Аллы Глебовой. Сегодня мы представляем её как автора рассказов

Алла Глебова

57

Малыш для Тома

Отец Тома обожал певицу Тамару Гвердцители. Когда она появлялась на экране и начинала петь своим глубоким, сочным голосом, отец просто обмирал. Да и всплакнуть мог, если никого, кроме жены, рядом не было. Поэтому, когда родилась обожаемая, и, как позже выяснилось, единственная дочь, вопроса, как её назвать, не возникло. Мать сначала попробовала заикнуться об Ольге, но отца было не переломить. И она быстро отступилась: не получилось княгини Ольги, пусть будет царица Тамара.

Правда, во внешности девочки не было ничего от грузинской царицы: она оказалась по-славянски светловолоса и голубоглаза. И никто, даже отец, так никогда и не звал её Тамарой – имя ей решительно не шло. Иногда Тома думала, что неподходящее, словно чужое имя наложило свой отпечаток на её жизнь. Слишком часто выходило, что она жила как бы взаймы – ни особых собственных убеждений, ни устремлений. Всё сиюминутно.

В последнее время страстью Тома были женские романы. Другие книги, не «про жизнь», казались скучными. А эти она поглощала без разбору – и наши, и зарубежные. Хорошие и откровенно дешёвые. А чем ещё заниматься бездетной домохозяйке, когда квартиру уже запросто может инспектировать на предмет чистоты армейский прапорщик? Когда ужин на плите и бельё сохнет на балконе?

В романах часто встречалась фраза: потом героиня часто думала, не сделай она того-то или не пойди туда-то, всё у неё было бы хорошо. В смысле, без неожиданностей – как раньше. Томе бы тоже эта мысль подошла, только ни о чём таком не думалось, когда вся жизнь разломилась на «до» и «после».

В первой, нормальной, половине ей жилось хорошо и спокойно. Можно сказать, она наконец-то нашла себя после бессмысленной и скучной учёбы на экономфаке. Тома мало что понимала в бесконечных нудных лекциях, вяло

переползала с курса на курс благодаря шпорам, родителям и редкой усидчивости, и совершенно точно знала, что экономист из неё никакой. Работать она ни за что не будет, и ни один вменяемый начальник близко не подпустит Тому к финансовым документам.

Всё-таки странная штука жизнь. Сколько сил и денег вложено было родителями в этот диплом, а ради чего? По логике, им должно быть обидно – отдачи-то никакой! Но родители всё равно гордятся, что дочь у них экономист. И ничего, что диплом пылится где-то в шкафу, заброшенный туда после выпускного вечера.

Однажды отец с матерью поехали отдыхать за границу. Папа не признавал забугорного отдыха, был поклонником, как он говорил, скромной красоты средней полосы. Поклонялся он этой красоте обычно на даче: спал до полудня, качался в кресле-качалке или гамаке под яблоней, читал газеты, пил пиво, смотрел телевизор на веранде. До прогулок по лесу, рыбалки в пять утра и сбора грибов дело ни разу не дошло. Но как-то раз коллеги по работе уговорили отца податься в Турцию. И как он ни отпирался, мол, «не нужен нам берег турецкий», поддался-таки. Всё же он человек заслуженный, при хорошей должности, обеспеченный, а отдыхает, как малоимущий пенсионер.

«Можем себе позволить», – бурча под нос эти золотые слова и втайне гордясь собой, они с матерью собрали чемоданы и отбыли в аэропорт. Турция разочаровала буквально всем: жарой, многолюдностью, белозубо скалящимися турками, непривычной едой, от которой пучило живот. И номер не понравился, и пляжи, и экскурсии. Отец несколько лет плевался: «Две недели выброшены из жизни, столько денег на говно перевели!». Где логика, удивлялась Тома, вспоминая свой дутый диплом?

Окончив вуз, она с облегчением стала заниматься тем, к чему её предназначила природа. Вышла замуж и осела дома. С Пашкой, мужем, позна-

комились ещё в институте. На том же экономфаке, спасибо ему хоть за это. Только у Пашки, наоборот, всё шло отлично – сплошные пятёрки без особых усилий. Дал же Бог и память, и способности! Получив неизбежный красный диплом, Пашка устроился в серьёзную аудиторскую фирму. За пару лет поднялся до замдиректора, стал получать аховую зарплату – а ведь ему и тридцати не было!

Тома мужем гордилась. Когда Пашка приносил домой свою уставшую многомудрую голову, она кормила его по высшему разряду и всяко-разно обеспечивала отдых. Пашка был доволен, хвалил жену, на вечеринках говорил друзьям, как ему повезло: красивая, хозяйственная, с хорошим характером, в его дела не лезет, понимает, любит. Находка для озабоченного карьерой мужчины. Тома млела, краснела от удовольствия и незыблемости своего положения, и удваивала старания.

Вот только дети никак не хотели у них получаться. Сначала Тома была не против, потом очень за, а в последнее время, семь лет прожив в счастливом браке, желала родить со всей страстью, на какую была способна. Природа брала своё, и прижать к груди тёплый родной комочек становилось неодолимой потребностью. Вот и у Сашки, самой близкой подруги по школе и институту, родился Васька. Скоро годик. Ну и что, что без мужа? Всякое бывает в жизни.

Кормления и пелёнки, нежный лепет и милые перевязочки на ручках, первые шажочки неуверенных ножек и даже ночные недосыпы – всё это стало навязчивой идеей. Пашка относился к проблеме спокойнее, он был слишком занят на работе. От Томиных причитаний по детскому поводу только отмахивался, раздражаясь, когда она в сотый раз заводила разговор на эту тему. Тома потихоньку от мужа обследовалась у всевозможных врачей: те уверили, что всё в порядке. Кроме того, что не могу зачать, горько усмехалась она про себя. Утешаться оставалось тем, что до тридцати пяти есть несколько-

ко лет. Ближе к этому порогу видно будет – любимая мамина приговорка.

Мать Тома, кстати, в отличие от отца, Пашку почему-то недолюбливала. Хотя причин вроде и не было. Зять попался непьющий, небьющий, работающий и более чем обеспеченный. И в левых связях замечен не был. Но Елена Викторовна всё равно не любила Пашку иррациональной нелюбовью. И смех у него слишком тонкий, женский, и голос вкрадчивый, и глаза птичьи: Пашка смотрел немигающе, моргал редко. «Какой-то он весь в себе, холодный», – думала Елена Викторовна, но помалкивала. Да и что говорить? Дочь живёт на всём готовом, довольная. Она улыбалась зятю, хвалила

его на людях и не принимала в глубине души. Паша это чувствовал и платил той же вежливой остороженностью.

Протирая в тот злополучный день хрусталь, вынося на балкон одежду – проветрить после зимы, Тома крутила в голове мысль о детях. Вот бы на стенах и полках красовались фотографии смеющихся малышей! Уборкой Тома всегда занималась с удовольствием. Ей нравилось открывать шкафы, перебирать вещи, раскладывать их, выбрасывать те, что уже отслужили своё. Набивая пакеты для мусора старыми журналами, ненужными бумагами, вышедшими из моды (или неналезающими, как ни бейся) шмотками, сломанными авто-

ручками, засохшими губками для обуви и прочими немymi свидетелями их совместной с Пашкой жизни, она чувствовала, что обретает лёгкость. Освобождает место для чего-то нового.

Этот рекламный проспект попался на глаза, когда она воодушевлённо разгребала завалы в недрах Пашкиной полки в шкафу-купе. Беспорядок здесь царил жуткий: Тома всегда удивлялась, как аккуратный в одежде и делах Пашка умудрялся разводить на своих полках такой бардак. Чтобы найти носки или трусы, он небрежно перелопачивал всё содержимое и заталкивал обратно пёструю кучу, оставляя вместо ровных стопочек бесформенный ком.

Рис. Шамиля Гимаева

Проспект был небрежно засунут в стопку белья, завернут в синюю футболку с геометрическим рисунком. Поначалу Тома хотела скомкать листок и отправить его в очередной мешок для мусора. Но что-то вдруг неприятно кольнуло её в районе желудка, и она расправила рекламку, чтобы прочесть надпись. Слабый протестующий голос откуда-то изнутри предупреждающе пискнул об опасности. Недаром говорят, о чём мы не знаем, то нам не повредит. Но руки сами разворачивали яркую цветную бумагу, а глаза вглядывались в буквы.

Весёленький аляповатый буклет приглашал «со вкусом отдохнуть» в санатории «Лесная сказка». Номера люкс, ресторан с отличной кухней, бассейн, сауна, бильярд, дискотека, теннисный корт и прочие радости. Картинка изображала сказочно отдохнувших дам с нереальными офотопленными фигурами и белозубых молодчиков с фарфоровыми улыбками.

Развернув враз вспотевшими ладонями буклет, Тома обнаружила, что это не просто рекламный проспект, а путёвка. Как положено, с датой и пропечатанной очень даже нескромной ценой. Пашка приобрёл на три полных дня, плюс день заезда и день отъезда, номер для новобрачных. На две, разумеется, персоны. «Брачевание» состоялось полгода назад. Как раз в это время, тут же вспомнила Тамара, Павел ездил в Питер на семинар для аудиторов. Уехал в четверг, вернулся в понедельник. Сильно устал, но был весьма доволен – его доклад имел успех. Судя по всему, зачитывал он его на «королевской» кровати перед весьма ограниченной аудиторией, мелькнуло в голове у Тома.

Ей стало трудно дышать, она машинально сделала шаг к окну и запахнула его настежь. В квартиру ворвался детский смех, обрывки разговоров, шуршание автомобильных шин, музыка. Окна выходили во двор, и каждый человек в этом дворе продолжал жить обычной жизнью. То, что Тамарино существование опрокинулось навзничь, ничего не меняло.

Она отвернулась от окна и села в кресло. Пашка ей изменяет. У него другая женщина, и он врал жене, чтобы провести с любовницей выходные. Скорее всего, это был не первый и не последний раз. Самое страшное, что ошибки быть не могло. Тома никогда ни в чём мужа не подозревала, слезки не устраивала. И сразу, со всей очевидностью вдруг обрушилось на неё это знание. Сомневаться было уже не нужно, места для подозрений не осталось, всё предельно ясно. Такой моментальный, очевидный и простой итог собственной брачной жизни был даже абсурдным.

...Когда Тамара была маленькая, родители часто оставляли её с бабушкой Лизой, царствие ей небесное. Бабушка Лиза наводила на всех окружающих оторопь. Потом, уже через много лет после её смерти, отец как-то сказал Томе, что рядом с тётцей всегда чувствовал себя так, словно у него на приёме у английской королевы оказалась ширинка расстёгнута и фрак наизнанку. Все окружающие, кроме дочери и внучки, обязаны были называть её Елизаветой Антоновной. «Тётей Лизой» не осмеливался называть никто, даже племянникам такая вольность вряд ли пришла бы в голову, если бы они у неё и имелись. Высокая, подтянутая, не считающая нужным закрашивать седину, с прямой спиной, плотно сжатыми губами и стылým взглядом, она никогда не улыбалась и почти не разговаривала.

Обязанности по уходу за вверенной ей Томой Елизавета Антоновна выполняла исправно: вкусно, сытно, хотя и без фантазии, кормила, тепло одевала, мыла, водила на прогулку. Спросил бы кто, любила ли она девочку, Елизавета Антоновна бы не ответила. Есть внучка, а сама она на пенсии, – значит, нужно с ней сидеть.

Она всегда так жила. Надо выйти замуж – вышла, надо родить – родила дочь. Елизавета Антоновна была химиком, всю жизнь проработала в какой-то научной лаборатории, руководила ею, и ни разу не сделала ни одной ошибки, хотя и ни одного открытия тоже не

сделала. Что творилось в её угрюмой голове, была ли она довольна жизнью, никто не знал.

Однажды бабушка привела внучку в детское кафе. Там стоял красивый аквариум, а в аквариуме плавала большая тёмная рыба. Медленная, холодная, одинокая, она, как заведённая, двигалась по одной и той же траектории. Как бабушка, подумала тогда Тома.

Она не вспоминала о Елизавете Антоновне много лет. Та умерла, когда Тамара перешла во второй класс. А сейчас ей вдруг почему-то пришла в голову фраза, которую иногда, уже и не вспомнишь, к чему и зачем, произносила бабушка:

– На правду, как на смерть, во все глаза не глянешь.

Слова отпечатались в памяти механически, как бы минуя сознание. Но сейчас Тома вдруг поняла, что они означают. Она боялась *увидеть* – вот и не решалась глянуть. Не могла позволить себе правду, от которой запросто могло остановиться сердце и переломиться вся жизнь. Ну, как, как было позволить себе заметить участившиеся совещания, командировки, рабочие поездки – причём часто на выходные?! Заметить то, что Пашка нередко приходил за полночь, виновато крался в темноте и никогда не съедал приготовленный и оставленный ему ужин, хотя любил поесть? То, что секс стал редким? То, как порой он сосредоточенно, изучающе и жалостливо смотрел на неё и отводил глаза в сторону, если ловил ответный взгляд? И многие, многие ещё мелочи, от которых легко отмахнуться по отдельности, но которые все вместе набросились на неё сейчас, как голодная собачья свора зимой в дачном посёлке...

Тома сидела в кресле недолго – сорок пять минут. У неё была странная для неработающего человека привычка постоянно смотреть на часы, рассчитывая с точностью до минуты своё время. Куда ей было спешить? К чему эта нелепая пунктуальность? Но побороть её не получилось даже сейчас: падая в

кресло и поднимаясь из него, Тома автоматически отметила, который час. В голове было пусто и звонко, руки задеднели. Не думалось, даже не страдалось почему-то.

Телефонная трель словно разбила стеклянный кокон, который окружил Тому. Звонил Пашка. О чём они говорили, она не смогла бы вспомнить и под дулом пистолета, но отвечала мужу, слушала его, даже смеялась.

А повесив трубку, приняла решение. Ничего она Пашке не скажет. Выбросит обличающую его бумажку и сделает вид, что ничего не произошло. Где-то, может, в одном из многочисленных женских романов, она вычитала: важно не то, что тебе врут, а сам факт, что пытаются что-то скрыть! Почему Пашка молчит и не говорит ей о другой? Потому, что не хочет ранить. Потому, что по-своему любит. Потому, что не собирается бросать. Вот оно, то единственное, что имеет значение! Будь ему дорога та женщина, он не стал бы врать, а сказал правду: люблю её и ухожу. Но он молчит! Он не будет рушить семью. Это просто увлечение. А увлечения проходят.

На Тому волной нахлынуло облегчение. Да, ей плохо и обидно, но это можно перетерпеть. Да, придётся поступиться гордостью, но что такое гордость в сравнении с семейным счастьем? Предрассудок, и ничего больше. Только промолчав, можно сохранить брак. «И материальное положение, и статус», – тоненько подсказал голосок где-то в глубине сознания.

«Да, – яростно ответила Тома голосу, – и это тоже!» А что тут такого?! Она годами создавала уют, подпитывала их союз, делала всё, чтобы стать хорошей женой – только в этом и была её жизнь! В конце концов, она до сих пор любит мужа и обязательно родит ему ребёнка. Ради чего теперь топтать всё? И куда деваться? На что жить, в конце концов? Да кому она нужна, эта правда?! Паша перебесится и поймёт, что главное в его жизни – семья. Да он и так это понимает, потому и скрывает свои шашни.

Мысленный диалог с самой собой

прервала внезапно накатившая тошнота. «Что-то с желудком или на нервной почве», – подумала Тома, рывком открывая дверь в ванную. Она едва успела наклониться над раковиной, как её буквально вывернуло наизнанку. Умывшись и почистив зубы, медленно выползла из ванной, дошла до кухни и залпом выпила стакан холодной воды. Полегчало. Но оставаться дома и продолжать уборку, как ни в чём не бывало, она не могла.

Наскоро покидала вещи обратно в шкаф, порвала на мелкие клочки злополучный проспект и спустила глянцевые обрывки в унитаз. Кое-как оделась и поспешила к Александре. Кому ещё она могла рассказать и быть уверенной, что выслушают и не проболтаются? Мать точно не сдержится, и тогда пиши пропало: Пашка будет вынужден объясняться, и, может, это подтолкнёт его к уходу.

Сашка жила недалеко: не стоило садиться за руль, дольше в пробках простоишь. Тома бежала по улице и чувствовала, что её снова мутит, но это было неважно. Перед уходом она выпила активированный уголь, универсальное мамино средство от всех желудочно-кишечных хворей. Скоро должно подействовать.

Уже поднимаясь по лестнице, Тома вспомнила, что не позвонила Сашке перед выходом. Та терпеть не могла, если к ней являлись без звонка. С детства такая была, не выносила, когда что-то делалось без её согласия. Ладно, что теперь об этом думать. Не та ситуация. Поймёт. Подруги они или кто?

Сашка открыла дверь и, конечно, сначала скорчила недовольную мину. Вроде даже растерялась. Но Томе было не до извинений. Она пролетела мимо Сашки в комнату, забыв разуться, и бухнулась в кресло.

– Хорошо, что ты дома! Мне надо с тобой поговорить, не могу... – она оборвала себя на полуслове, огляделась. – А где Васька? Ты одна?

– У матери, забрала понянчится, – голос у Сашки был напряжённый. На-

верное, недовольна её приходом. А может, кавалера своего ждала? У неё кто-то появился, она всё обещала познакомиться.

– Саш, извини, что врываюсь, но... Понимаешь, я узнала... – выговорить это оказалось трудно. Томе стало так жаль себя, так больно и стыдно за корявую свою жизнь, что она расплакалась. Некрасиво, с подвываниями, со стуком зубов о края принесённого Сашкой стакана с водой.

– У Пашки есть женщина. Я сегодня убиралась в шкафу и случайно нашла у него в вещах путёвку. Он с этой бабой ездил отдыхать, когда...

Недоговорив, Тома посмотрела на подругу и споткнулась о Сашкин взгляд. Сашка смотрела, широко раскрыв серые глаза – и в них стояло непонятное. Радость, злое удовольствие, насмешка и даже торжество. А где-то, на самом доньшке, – вина. Поначалу Тома решила, что всё дело в зависти: та, наверное, завидовала её благополучию и теперь злорадствует. Но уже через мгновение Тома поняла, что дело не в этой извечной тайной женской обиде на более успешную подругу. Тут другое.

– Саш... это же ты, – ошеломленно выговорила Тома, не успев как следует обдумать свои слова, – это с тобой у него...

Сашка подскочила и вдруг почти прокричала, захлёбываясь словами:

– Ну, есть Бог на свете! Наконец-то! Это ж сколько можно было мне мучиться, а? Том? Ты своей слепотой всю мне душу вынула! Я ему – всё, только живи, только останься. Ваську даже родила, а он – «Тома не переживёт», «Я Томку не могу бросить», «Как мы будем после этого жить»...

– Так Васька... Саша, Васька, он что...

– Да то! Пашкин сын, вот что! Мы с Пашей уже третий год вместе. Ну, думаю, рожу ему, раз ты не можешь, он и уйдёт от тебя. Так нет же! Год ребёнку скоро, а он всё боится. И чего держится за тебя, не пойму. Родители с тобой всю жизнь носились, теперь Пашка. Ты

посмотри на себя, как ты живёшь? Ну, кто ты? Домохозяйка сраная, и больше никто, поняла? Ни учиться не могла, ни работать, ни родить. На всём готовом, сама себе паршивый «Тампакс» купить не можешь, на колготки у мужа просишь, обуза! И ладно бы детей растила – так нет, задницу свою только отращиваешь! Пашка, как вол на работе, а ты по салонам красоты и магазинам таскаешься!

– Не кричи, Саша, голова раскалывается, – прошептала Тома, сжав пальцами виски.

– А и пусть раскалывается! Меня жалел кто-то? Скажи – жалел? Я себе сама всё заработала – и квартиру эту, и машину, и всё... Кручусь, как сумасшедшая. А все праздники одна. Ваську одна ращу – Пашка всё урывками, всё телефон ладошкой прикрывает, как бы ты не узнала. Ух, вот ты мне где, – она резко полоснула себя ладонью по горлу, – смотреть на тебя не могу! И как ты не чувствовала, не понимаю. Думаешь, прощения буду просить? Каяться? Не дождёшься!

– Не проси, – согласилась Тома. – Зачем? У вас сын.

– Вот именно, сын! Я ему настоящая жена, я ему сына родила – а ты?! Если что, он мне первой понравился, ещё тогда, в институте! Но ты же у нас красавица, из хорошей семьи, учиться мамуля с папулей пристроили. Одета, как кукла. Одна дочка у мамы с папой – где уж мне!

– Не кричи, Саша, – опять попросила Тома. Ненависть подруги её оглушила, обожгла. – Если ты меня настолько ненавидела, зачем же тогда дружила со мной? Мы столько лет вместе... И ты никогда не показывала...

– Я не всегда к тебе так относилась, – Сашка выдохлась, заговорила тише и спокойнее. – И вообще это не важно. Хватит, не хочу. Слава богу, всё само собой решилось – и ты не от меня узнала. А то Пашка бы не простил. Он, наверное, специально оставил эту бумажку, – Сашка зло усмехнулась, а Тома вздрогнула, как от пощечины. – Тоже, видать,

надоело. Теперь всё будет по-другому. Он разведётся с тобой, мы поженимся. Ваську будем растить, я и девочку ему рожу: он теперь дочку хочет, сам говорил.

На Тому вдруг накатила сонная усталость. Захотелось улечься, как медведь в берлогу, и чтоб никто не трогал. Сил не было даже вылезти из кресла. А ведь нужно быстрее уйти отсюда. Тут же накатила новый приступ тошноты, она вскочила и побежала в ванную, прижимая руки ко рту. Сашка посмотрела ей вслед цепким взглядом. «Надо быстрее оформлять развод, а то мало ли», – решила она.

Тамара вышла из ванны и встала в дверях. По привычке бросила взгляд на стену, где висели часы: она подарила их как-то Сашке на Новый год. Но часов не было. Вместо них красовалась большая цветная фотография в рамке. Саша, Паша и Васька. Счастливая семья: любящие родители и милый малыш. Все хохотали, казалось, что их просто застали врасплох, хотя на самом деле снимок был явно студийный, постановочный.

– Фотограф хороший, – пробормотала Тома.

– Да уж, неплохой, – подтвердила Саша. Она смотрела на бледную, с синими кругами под глазами Тому безжалостно и прямо.

– А часы где?

– Они мне никогда не нравились! Я их только перед твоим приходом всегда вешала. Паша просил, – фыркнула Саша. – Ты звонила, что придёшь – я вешала часы. Дурдом! Заврались. Здоровье твоё берегли и тонкую душевную организацию.

– А времени сколько сейчас? Телефон дома забыла, часов нет.

– Что? Ах, да. Тебе вечно до минуты надо знать, – Сашка схватила с тумбочки телефон, – полтретьего.

– Надо же, только четыре часа прошло, как я уборку начала, – удивлённо произнесла Тома слабым голосом.

Сашка стояла, вытянувшись, вцепившись в мобильник.

– Ты так ничего и не скажешь? Не хочешь узнать, когда у нас началось? Надо поговорить, что теперь делать, – в её голосе впервые прозвучала неуверенность. – Почему молчишь, ерунду какую-то спрашиваешь – часы, время?

– А что говорить, Саш? Ты всё сама сказала. Будете жить вместе, у вас

Васька. Счастья, что ли, вам пожелать? Вы и без моих пожеланий обойдётесь. Сына родили и дочку родите. Мешать не буду, Пашку держать... Ты не бойся.

Тома ещё раз посмотрела в Пашины счастливые глаза на фотографии, повернулась и медленно пошла прочь из Сашкиной квартиры.

64

Старик

– И что мне теперь прикажете делать?! Да вы хоть понимаете своей безмозглой башкой, что я в эти чёртовы метры все свои деньги вбухал? Мог какую угодно квартиру взять! Так нет же! Дёрнуло меня связаться с вами, чтобы вы мне подсуетили эту... мать её...! Да вы знаете, кто вы? Да вы... вы... – Поляков никак не мог подобрать слово, которое одновременно выражало бы крайнюю степень тупости и одновременно – коварства, и замолчал, словно поперхнувшись. Раздражённо махнул рукой и чуть тише брезгливо выплюнул: – Риелторша...

Поляков широко шагнул в сторону раскрытого окна. На секунду Кате Белоговой показалось, что он собирается взобраться на подоконник и кинуться вниз с шестого этажа. Но Поляков только полуутвердительно буркнул:

– Закурю, – и, не дожидаясь Катиного разрешения, достал из нагрудного кармана пачку сигарет.

Вот уже третью неделю стояла изматывающая, одуряющая жара: ни ветерка, ни дождинки. Солнечный свет жидким золотом заливал кабинет, пожухший цветок в большом глиняном горшке (Катя вечно забывала его название) выгорел и скорбно поник.

Поляков судорожно затягивался и прилежно выдувал седые клочья в сторону окна. Толку от его стараний не

было никакого: в комнате повисло силовое вонючее облако, и в горле у Кати немедленно запершило. Но кашлять она не решалась, чтобы не нервировать и без того разозлённого клиента. Сидела на неудобном стуле и давилась дымом, затравленно глядя на Полякова.

Офис был тесный: еле-еле умещались два стола, железный сейф, этажерка да вешалка. На стене висела карта – аляповатое пятно на фоне тускло-жёлтых обоев. До риелторского агентства в этой комнате располагалась туристическая фирма. Компания разорилась, менеджеры разбежались кто куда, а карта осталась.

Катина начальница, Ксения Михайловна, которая сейчас отдыхала на Чёрном море, тоже внесла посильный вклад в оформление интерьера: гордо развесила на стенах свои дипломы и грамоты, а ещё пришила кнопкой стихотворение:

**Не зли других и сам не злись,
Мы гости в этом бренном мире,
А если что не так – смирись,
Будь поумнее, улыбнись,
Холодной думай головою,
Ведь в этом мире всё закономерно,
Всё излучённое тобою,
К тебе вернётся непременно.**

Поляков щелчком выбросил сигарету в окно, мазнул взглядом по рифмо-

ванным строчкам, рывком придвинул к себе стул, уселся и воззрился на Белоногову. Судя по всему, смирился, как рекомендовал Омар Хайям, он не желал. Экзекуция продолжалась.

Эх, была бы здесь Ксения Михайловна! Может, что и придумала бы... Но начальница решила, что пару недель агентство вполне может обойтись и без неё и укатила в отпуск. Алина и Эмма – другие риелторы – отлично справлялись и без хозяйского присмотра. Время от времени появлялись в офисе, куда-то названивали, лязгали дверцей сейфа, шуршали бумагами, деловито пощёлкивали компьютерной мышкой, сосредоточенно глядя в монитор. Иногда вместе с ними приходили клиенты – серьёзные граждане с напряжёнными озабоченными лицами.

Кате раньше не приходилось самостоятельно заключать сделок. Будучи новичком, она выполняла в основном секретарские обязанности. Владимир Поляков был первым клиентом, которого доверила ей Ксения Михайловна. Сложностей не предвиделось: у клиента имелись на руках наличные, и он желал подобрать себе хорошую «трёшку».

Катя взялась за дело с энтузиазмом, который присущ только новообращённым. Покупка трёхкомнатной ленинградки обещала стать сделкой века и её пропуском в мир недвижимости. Да и сам клиент, Владимир Ильич Поляков... хороший человек. О большем девушка думать себе запрещала. Пусть уж будет просто – хороший человек, которого нельзя подвести.

Старательная Катя шерстила от корки до корки газеты с предложениями жилья, моталась с Поляковым по так называемым просмотрам, тщательно, до рези в глазах, изучала документы, неделю перед сделкой не спала от волнения. Квартира, которую в итоге выбрал Поляков, была именно такая, какую тот заказывал: хороший район, зелёный двор, кирпичный дом, средний этаж, окна на солнечную сторону, свежий ремонт – заезжай и живи.

В документах намётанный взгляд Ксении Михайловны не обнаружил никакого подвоха, и она благословила Белоногову на сделку. Прошёл месяц. Катя гордилась собой, втайне надеясь, что когда-нибудь они с Поляковым снова встретятся. В жизни ведь всякое бывает, правда?

У неё появился ещё один клиент: она оформляла ему наследство. До сегодняшнего утра Кате казалось, что жизнь удалась. А утром на пороге возник разъярённый Поляков. Вот и свидетелись.

– Ну, и что будем делать?

Катя покраснела, покусывая нижнюю губу (дурацкая привычка, от которой никак не получалось избавиться!), хотела что-то сказать, запнулась, посмотрела на Полякова и покраснела ещё сильнее.

Ему был тридцать один год: на шесть лет старше Кати. Не такая уж огромная разница, однако она всегда чувствовала себя в его присутствии глупым неуклюжим подростком.

В этом человеке было то, что Катина мама именовала «сильной энергетикой»: как только Поляков появлялся где-либо, он сразу умудрялся замкнуть на себя всеобщее внимание, занять собою всё пространство. Поляков напоминал сказочного русского витязя, какими их любят изображать в детских книжках: золотоволосый, голубоглазый, широкоплечий и бородатый гигант. Неким диссонансом былинной внешности выступали очки в золотой оправе и изящные кисти рук с тонкими пальцами и овальными ногтями, похожими на фосолины.

Катя про себя именовала его Викингом и с тоской думала, что рядом с таким мужчиной непременно должна находиться какая-нибудь валькирия. («И что меня всё на скандинавщину то тянет?!») Сама Катя на роль девы-воительницы совершенно не подходила: маленькая, тонкокостная, бледная до прозрачности, с тихим голосом, огромными светло-серыми глазами и пушистыми русыми волосами. Не было

в ней ни величественности, ни уверенности, ни харизмы, ни стати, ни убедительных форм, ни яркого темперамента. Не валькирия, а Снегурочка.

– Вы вообще-то давно этим занимаетесь? В смысле недвижимостью? Учились где-нибудь? – осведомился Викинг.

– Я курсы риелторов окончила. Здесь четыре месяца работаю. То есть скоро будет четыре. – Катя пыталась говорить с достоинством, но получалось плохо. Слишком сильно дрожал голос. Ладони моментально стали влажными.

– Ну-у, что и говорить, опыт огромный, – издевательски проговорил Поляков.

– Послушайте, Владимир Ильич, я же вам уже говорила...

– А по образованию кто? Вы же, судя по всему, в институте каком-нибудь учились? – недослушав, перебил Поляков.

– Но при чём здесь... Ну, вообще-то я педагогический окончила. Естественно-географический факультет.

– Ну, естественно, географический! Какой же ещё? – пробормотал Поляков. – И что же вам в школе-то не работалось? Зачем сюда сбежали?

– Я работала! – принялась зачем-то оправдываться Катя. – Два года. Но у меня плохо получалось... с дисциплиной. То есть не у меня плохо с дисциплиной, а у класса. Меня ученики не слушались, – торопливо говорила она и с ужасом думала: «Господи, что я плету?! Для чего ему всё это рассказываю?!».

– Ученики, значит, вас не слушались. И тогда вы решили квартирным вопросом людям жизнь портить! – Видно было, что Поляков шутит. Кате бы радоваться, что буря миновала, но его подколы неожиданно сильно её задели, и она горячо заговорила:

– Зачем же вы так, Владимир Ильич? Я так старалась, квартиру эту вам как себе выбирала! И она хорошая, просто даже отличная! Разве нет? Вы мне сами говорили, что всегда о такой мечтали. И вид из окна вам нравился, и... И документы там чистые! А то, что

прежние жильцы не сразу выписались, так это обычная практика...

– А уж по части обширной практики вам, Катя Белоногова, равных нет! – с тихой иронией подхватил Поляков.

– Владимир Ильич, ну, перестаньте, пожалуйста! Я-то, конечно, ещё мало в этой области работаю, но Ксения Михайловна, это наш директор, она тоже сказала, что так почти всегда бывает. Люди выписываются из проданной квартиры в течение месяца. Это нормально!

– А то, что они родственников своих престарелых там забывают, это тоже нормально? По мнению вашей высокоуважаемой Ксении Михайловны? – свистящим шёпотом поинтересовался Поляков, снова начиная заводиться.

– Это ненормально, – обречённо выдохнула Катя. – Но я никак не могла предвидеть, Владимир Ильич!.. Откуда мне было знать, что так получится? Думаете, я нарочно это устроила?

– Ничего я не думаю. Просто хочу знать, что мне теперь делать?

– Вы можете обратиться в суд, – робко ответила Катя. – Вы же собственник. Его выпишут в принудительном порядке.

– Ладно. – Поляков поднялся со стула и устало вздохнул: – Пойду, пожалуй.

– Всего доброго, Владимир Ильич, – пискнула Катя, – звоните, если что.

– Если «что»? Вы намекаете, может выплыть ещё что-то? – усмехнулся Поляков.

– Нет-нет! – испугалась Катя. – Я имела в виду... просто, ну, мало ли.. На всякий случай.

Катя смешалась и опять мучительно покраснела, злясь на себя за косноязычие. А ещё за свою неловкость, непрофессионализм, неумение остроумной рассыпчатой скороговоркой общаться с людьми – и прочие, прочие «не». Поляков внимательно посмотрел на неё и вышел, не сказав больше ни слова.

С его уходом Катя должна была ощутить радость и облегчение: оставил-таки в покое, мучитель окаянный. Но когда

дверь за Поляковым с глухим стуком закрылась и стало ясно, что больше он её никогда не откроет, Катя почувствовала себя так, словно её ограбили. Нет, даже не так. Как будто убили.

Через пятнадцать минут Поляков был уже далеко от улицы, на которой располагался офис риелторской фирмы. Не переставая следить за дорогой, он набирал номер своего школьного друга Витьки Шахова. Витька был юристом. Причём, судя по одежде, телефону и марке машины, весьма успешным.

– Слушай, Шахов, – отозвался Витька.

– Привет, Виктор, – с ударением на второй слог произнёс Поляков.

– А, здорово, Ленин! – Шахов до сих пор называл друга детским прозвищем. Оба они принадлежали к тому поколению, которое помнило имя и отчество вождя революции. Да и вообще знало, кто это такой.

– Слушай, у меня тут проблемка возникла.

– Что такое?

– Короче, в квартире, которую я купил, оказался прописан человек...

– Не страшно, – вклинился Шахов, – выпишется в тридцатидневный срок, никуда не денется. Это нормальная практика.

– И этот туда же, со своей практикой, – досадливо поморщился Поляков, выкручивая руль влево. – Ты дослушай сначала.

– Слушаю, слушаю, извини.

– Там были прописаны трое – отец, дочь и дед. Отец с дочерью выписались, а старик – нет. Они уехали в другой город. В Нижний Новгород. Квартиру там купили. А деда своего здесь оставили!

– Прямо «Вишнёвый сад» какой-то, – хмыкнул Шахов.

– Что? – Поляков был не слишком силен в литературе.

– Ничего, это я так. Продолжай.

– Так вот. Мы с этим Максимом вчера встретились в городе, как договаривались. Он, сволочь, ключи мне передал. Мы говорит, всё вывезли, с прописки снялись, уезжаем. Про деда молчит! Я,

дурак, ещё поблагодарил, счастливого пути им пожелал! И на работу поехал – у меня объект горит. Вечером только до дома добрался. Иду – смотрю, свет горит. Думаю, может, забыли. Захожу – а там дед в кровати лежит! Что, говорю, за дела? Вы почему здесь? Почему не съехали? Он мямлит что-то про сердечный приступ, я в домоуправление... или как там это называется... Закрыто уже. В общем, к Ольге поехал. Я же у неё пока, ты знаешь. Утром опять в контору эту – они мне выписку дают. Дед в прописке сидит! Эти двое уродов сами выписались, а его не выписали. И не взяли с собой. Оставили. Как чемодан!

– Да-а-а, – протянул Витька. – Дела, делишки...

– Что теперь делать-то? Мне эта свиристелка в риелторском агентстве говорит, можно в суд подать, выписать его.

– В суд подать можно, если сам не выписывается, – подтвердил Шахов. – Но если он там заявит, что идти ему некуда, жилья нет, а сам он больной, после приступа, так его могут оставить у тебя.

– Что?! – заорал Поляков.

– А ты думал! Наш суд – самый гуманный суд в мире. В таких случаях вообще-то, конечно, принудительно снимают с регистрации и выселяют. Неважно, есть, где жить, или нет. Квартира-то переходит другому лицу. Но! Женщинам с детьми и старикам как незащищённым категориям могут дать до года, чтобы найти место для проживания и регистрации.

– Сколько?! – опять закричал Поляков. – Год?! Да что они там, с ума посходили? У меня в квартире год будет болтаться какой-то старик? Я, между прочим, жениться собираюсь!

– Я тебе обрисовал реальную картину, – невозмутимо ответил Шахов. – Так что через суд... Слушай, ты с ним лучше поговори. По-хорошему так, душевно. Ты сумеешь. Денег в крайнем случае дай. Вполне возможно, у него родственники какие-то есть. Пусть туда выпишется и съедет.

– Вить, я тут подумал, может, в Нижний смотаться? Адрес, куда они выписались, у меня есть. В выписке. Мне дали.

Шахов засмеялся:

– Наивный ты человек, Ленин! А ещё вождь. Голову даю на отсечение, они паспортистке адрес от балды назвали. Если человек говорит, что в другой город переезжает, ему при выписке на слово верят, никаких документов не спрашивают. Так что этот козёл может с тем же успехом в Мурманске быть, а может и здесь остаться. Как ты его найдёшь без адреса? Разве что случайно встретишь. Они, скорее всего, сразу с дочерью решили, что в новую квартиру старика не возьмут.

– Вот твари! – выругался Поляков и, попрощавшись с Витькой, поехал к себе в офис. Работы по горло: в строительном бизнесе летом всегда дел невпроворот. А со стариком он вечером поговорит. Может, утрясётся как-нибудь.

Но надеялся Поляков напрасно. Ничего не утряслось. Когда они с Ольгой приехали, старик лежал в кровати. Другой мебели, кроме этого уродливого железного монстра и старомодного шифоньера, набитого, по всей видимости, пожитками старика, не было. Прежние хозяева вывезли всё. В квартире было чисто, тихо и гулко. Только в самой дальней комнате кряхтел и ворочался, поскрипывая пружинистой сеткой, никому не нужный старик.

Поляков с Ольгой подошли к его кровати и сверху вниз посмотрели на непрошенного жильца.

– Добрый вечер, – прошамкал тот. На полу возле кровати стоял стакан. В стакане – вставная челюсть.

– Не сказал бы, что добрый, – отрубил Поляков. Он старался говорить грубо и жёстко, но сердце у него против воли сжалось.

Старику, казалось, было лет сто. На тонком хрящеватом носу криво сидели очки в металлической оправе. Он выглядел маленьким и жалким. Завозилась, пытаясь приподняться, выпростал тощую руку, чтобы протянуть её Поля-

кову и поздороваться, но болезненно сморщился и уронил голову, увенчанную снежно-белым младенческим пушком, обратно на подушку.

– Меня зовут Владимир Ильич. А вас? Простите, не запомнил.

– Я тоже Владимир, – представился старик, – Константинович.

– Как мило. Тёзки, значит, – процедила Ольга, высокая, не намного ниже Полякова, красивая тридцатилетняя брюнетка.

С Поляковым они встречались уже три года, и наконец тот решился сделать ей предложение. Он не мог внятно объяснить, почему медлил. У Ольги было всё: броская внешность, образование-воспитание, острый ум и сексапильность. Но Полякову тем не менее чего-то не хватало. В итоге, когда Ольга стала заговаривать о браке в ультимативной форме, он сказал, что купит жильё побольше, и тогда они поженятся. Не в её же съёмной квартирке им жить! И не в его «однушке».

Оформив покупку, Поляков решил жилищный вопрос и подписал свой брачный приговор. Перспектива женитьбы перестала быть далёкой и призрачной, обретая чёткие очертания. Ольга была счастлива.

– Вы понимаете, Владимир Константинович, это теперь моя квартира! Я её купил. И вы не имеете права здесь находиться.

– Понимаю! Всё понимаю! Вы меня, ради бога, извините. Захворал некстати. Сердце прихватило. Мешаю вам. Это такое неудобство...

– Неудобство?! Что-то вы чересчур мягко выразились, любезнейший! – встряла Ольга. – Мы с моим мужем... будущим мужем собирались переехать сюда сегодня же. И как вы представляете себе это? С какой стати мы должны терпеть ваше присутствие?

Владимир Константинович завздыхал, суетливо закивал головой и торопливо заговорил, волнуясь и проглатывая слова. Он оправдывался и глядел на Ольгу слезящимися, выцветшими от старости голубыми глазами.

Поляков тоже смотрел на Ольгу. Та вдохновенно возмущалась и продолжала оттачивать на старике своё красноречие. Поляков вдруг подумал, какая же она злая! И голос, оказывается, такой неприятный – пронзительный, резкий. Как он раньше не замечал?

Неужели Ольге совсем не жалко несчастного старика? Человеку и так досталось: родной сын и внучка бросили! Ни к месту вспомнилась риелторша Катя. Она была полной противоположностью Ольге, и точно так же, как этот бездомный старик, испуганно и робко смотрела на него, когда он отчитывал её сегодня утром. Сердце сжалось ещё раз.

– Вы, наверное, голодный? – внезапно спросил Поляков.

Ольга подавилась последней фразой и яростно уставилась на Полякова.

– Нет, нет, что вы! Не беспокойтесь, пожалуйста, – задрезбезжал старик.

– Совсем с ума сошёл? – угрожающе прошипела Ольга. – Прикармливать его будешь? Может, ещё и подгузник предложишь сменить?

– Я всего лишь спросил, не хочет ли он есть, – прохладно ответил Поляков. – Это же живой человек. Он с кровати не встаёт второй день, а может, и больше. Ты хочешь, чтобы он с голоду помер?

– Да у меня и аппетита... – завёл опять старик. Но Ольга не дала ему договорить:

– Чего я хочу?! А я тебе скажу, Володенька, чего! – голос её поднялся до крика. – Хочу, чтобы ты перестал, в конце концов, мямлить, включил в себе мужика и разобрался со всем этим! Хочу, чтобы в нашей квартире не было посторонних! Хочу переехать сюда, как мы и собирались, и начать нормально жить!

– Оля...

– Что «Оля»? – резко перебила она. – Я уже скоро тридцать лет как Оля! И вообще, хватит публику развлекать!

Она выбежала из комнаты, громко стуча по полу высокими тонкими каблукками. Поляков пошёл за ней. У входной двери Ольга остановилась, развернулась всем корпусом к Полякову и уже более спокойным тоном сказала:

– Короче, так, Поляков. Прекрати изображать из себя мать Терезу. Тебе не идёт. Скажи мне, что ты намерен делать?

– Ты же сама всё видишь, – устало проговорил он, – старик чуть не при смерти.

– И что? Будем сидеть и ждать, пока он подойдет? Или поправится и соизволит сходить выписаться? А если он не захочет? Тогда что? Ты в суд на него собираешься подавать или нет?

Полякова покорило это её «подохнет», но он попытался подавить в себе растущее чувство раздражения и ответил:

– Видимо, придётся подождать, пока поправится. Виктор говорит, в суд идти бесполезно. Потому что...

– Да знаю я, что Виктор говорит, – нетерпеливо отмахнулась Ольга. – Ты сам рассказывал. Но что-то ведь надо делать? Не оставлять же вот так! Он что, с нами будет жить?

– Оля, чего ты добиваешься? – Этот разговор всё сильнее действовал на нервы, и Поляков с трудом сдерживался. Неужели она не видит, насколько ему это неприятно? – Хочешь, чтобы я выгнал больного беспомощного старика на улицу? Это бы тебе понравилось? Тогда бы я, по-твоему, был больше похож на мужика?

– Не хаами! – взвизгнула Ольга. – Надо же, какие мы совестливые! Сын родной от него, значит, смог отказаться, а ты, чужой человек, не можешь!

– Ты желаешь, чтобы я превратился в такую же скотину, как его сын? – сухо поинтересовался Поляков, неприязненно глядя на невесту. Ольгина красота вдруг показалась ему отталкивающей.

– Только не надо передёргивать! – Она опомнилась, сбавила обороты и сменила тактику. Помолчав, заговорила чуть ли не умоляюще: – Володя, извини, я, кажется, погорячилась. Но и ты меня пойми. Мы с тобой столько лет вместе, решили пожениться, а этот... человек рушит все наши планы!

– Оля, мне кажется, мы с тобой в чём-то ошиблись. У нас вряд ли что-

то получится, – эти слова сорвались с языка нечаянно, сами собой, будто помимо воли.

Ольга опешила. Пожалуй, впервые в жизни она стояла и не знала, что сказать. Поляков понимал, что говорит ужасные вещи, но ничего не мог с собой поделать.

– Прости меня, но...

– погоди, Володя. Ты что же – бросаешь меня? После стольких лет? – ошеломлённо выдавила Ольга.

– Оль, ну мы же всё-таки не золотую свадьбу отметили и пятерых детей назвали, – Поляков старался говорить мягко, но Ольге показалось, что в этих словах прозвучала откровенная насмешка.

– Прекрати издеваться! – рявкнула она. – Сволочь! Мерзавец! Морочил мне голову, пользовался, а теперь... Да ты... Чтоб ты провалился вместе с этим старым уродом! И вообще я сама собиралась с тобой расстаться! Давно уже! Нужен ты мне! Неудачник!

Последние слова Ольга прокричала, уже выскакивая из квартиры. В её голосе звенели слёзы, и Полякову стало стыдно. Но вместе с тем он ощущал себя свободным, лёгким, дерзким – каким не был уже давно. Настолько давно, что успел основательно подзабыть, каково это.

Ольга бежала вниз по лестнице, и эхо её шагов отскакивало от выкрашенных зелёной краской стен. Поляков постоял пару минут, потом вздохнул и закрыл дверь.

Через два часа он сидел на краешке кровати Владимира Константиновича. Больше сидеть в квартире было не на чем. Разве что на полу.

Они поужинали: Поляков притащил целую сумку всякой всячины. В соседнем супермаркете купил сковородку, кастрюлю, чайник, посуду. Он привык жить один, и домашняя работа его не тяготила. Споро настрогал бутербродов, пожарил всенепременную яичницу, заварил чаю. Старик несмело попросил налить ему некрепкий.

– Как же это вас родной сын так... подставил? – спросил Поляков.

– Максим мне не сын, – пояснил старик, – он зять. Дочкин муж.

– То-то я ещё думал, почему у вас с ним фамилии разные... А дочь тогда где?

– Умерла. Десять лет назад. Под машину попала. – Чашка в руке старика слегка дрогнула, он немного помолчал и продолжил: – Максим долго не женился, мы с ним вдвоём Машеньку растили. Ей семь лет было, когда Наташа погибла. А год назад Максим с женщиной познакомился. Хорошая женщина, хозяйственная. Галиной зовут. Пожениться решили. Эту квартиру и её двухкомнатную продать, и дом купить. За городом.

Ага, усмехнулся про себя Поляков, дом, стало быть, хотим купить. Вот тебе, Владимир Ильич, и Нижний Новгород! Прозорливый Шахов оказался прав.

– Ещё чаю? – предложил Поляков.

Владимир Константинович поблагодарил и отказался. Поляков забрал у старика пустую чашку и отнёс на кухню.

– А эта квартира что, не ваша? Зять? – спросил он, снова вернувшись в комнату.

– Мы с Наташей свою-то продали, Максим денег добавил, купили эту. На Максима записали.

– Ясно. На Максима, значит. А вы, вроде как, ни при чём.

Старик промолчал.

– Слушайте, а вы знали, что родственнички не собирались брать вас в новый дом? Только честно – знали или нет?

Старик опять ничего не ответил, избегая смотреть на Полякова.

– Понятно. Выходит, знали.

– Услышал случайно, как Галя с Максимом на кухне говорили, – тихо проговорил Владимир Константинович, – ссорились. Она ему: я, говорит, с чужим стариком жить не буду! Убирать за ним, портки его стирать. Ладно бы за отцом твоим ходить, а этот мне кто? И тебе?

– А он?

– А что он? Устал он один. Его тоже понять надо. Разве легко одному ребёнку растить? Галя условие постави-

ла: или тесть твой, или я. Максим уж больно мучился!

– Бедный, – не удержался Поляков. Но старик издёвки не заметил.

– Худо ему было, в глаза мне не мог смотреть. Ну, думаю, скажу я ему, стыдить начну. Ну, бросит его Галя. И что с ним будет? Машенька уже взрослая, первый курс отучилась. Она у нас хорошая девочка, но...

– И не жалко было Машеньке-то, «хорошей девочке», родного деда? – ядовито осведомился Поляков. Слушать про страдальца Максима и прекрасную Машу, которые, не моргнув глазом, отреклись от близкого человека, у него желания не было. Он хотел сказать ещё что-то в том же духе, но осёкся, увидев несчастное лицо старика.

– Вы извините меня, – спохватился Поляков, – лезу не в своё дело. Просто... что же вы о себе-то не подумали?

– Владимир Ильич, мне восемьдесят один год, в таком возрасте как-то глупо думать о своём удобстве, – слабо улыбнулся старик, – много ли мне осталось?

– Извините, – ещё раз сказал Поляков, который и в самом деле почему-то чувствовал себя виноватым. В горле застрял ком, дыхание перехватило. Он поднялся с жалобно скрипнувшей кровати и отошёл к окну.

– Что вы! Не извиняйтесь, – с жаром возразил Владимир Константинович, – это я перед вами кругом виноват. Вы из-за меня с невестой поссорились.

– Да бросьте. У нас давно не ладилось, – успокоил его Поляков, сам удивляясь своей чёрствости. Выбрался из изживших себя отношений, как змея из старой кожи, и рад. Права Ольга: наверное, он и в самом деле мерзавец и скотина.

– Ладно, не обо мне сейчас речь. – Он снова уселся на край кровати, снял очки и потёр глаза. – Родственники у вас есть где-нибудь? Где вы жить-то собираетесь? Я имею в виду, когда поправитесь?

– У меня в Нижнекамске сестра живёт, Анастасия, – после крошечной паузы проговорил Владимир Константи-

нович, – к ней переберусь. Как на ноги встану, сразу выпишусь и съеду. Вы не беспокойтесь.

– С кем она живёт?

– Ни с кем. Одна. Вдова она.

– Вы её хоть предупредили? Вдруг прогонит?

– Нет, что вы! Не прогонит. Настёна у меня хорошая, – глаза у старика увлажнились.

– Что ж, раз так... Поправляйтесь спокойно. И не сердитесь, что я... кричал на вас, – неловко закончил Поляков, водружая очки на переносицу.

– Я и не сержусь. На вашем месте ещё не так бы возмущался! А вы очень хороший человек.

– Не уверен, – криво улыбнулся Поляков, – но всё равно спасибо.

Поляков подъезжал к Казани. Было три часа пополудни, дороги относительно свободные. Он четыре дня не был дома: уезжал по делам в Самару. Планировал вернуться завтра, но получилось освободиться пораньше. Поляков собирался заехать в свой любимый супермаркет домашней еды. Ему хотелось купить чак-чак и трёхслойный пирог с черносливом, лимоном и курагой. Дед уж больно любил.

Со дня переезда Полякова в новую квартиру прошло уже почти два месяца. Дед – так Поляков привык называть Владимира Константиновича – поднялся на ноги, оправился от приступа. Поначалу стеснялся, старался вести себя как можно тише и незаметнее, но постепенно освоился, разговорился, ожил. Всячески стараясь быть полезным, начал, несмотря на протесты Полякова, возиться по хозяйству и ходить по магазинам.

Они теперь вместе ужинали, смотрели телевизор, обсуждали новости, и Поляков порой удивлялся про себя точности дедовых оценок и уместности комментариев.

Поляков привык к самостоятельной, даже одинокой жизни, но присутствие Владимира Константиновича его, как ни странно, не раздражало. Незаметно для себя он сроднился с дедом. Обычно

малознакомые люди тяготятся вынужденным соседством друг друга, однако Полякову не было неловко в обществе старика. Вряд ли в этом имелась его личная заслуга: просто дед оказался на удивление деликатным человеком. В нём отсутствовали навязчивая словоохотливость и стремление поучать, часто свойственные пожилым людям. Дед не ныл, не жаловался на жизнь, не выпрашивал сочувствия и вёл себя со спокойным достоинством.

Ненормальную ситуацию, в которой оба оказались, больше не затрагивали. Когда примерно неделю назад дед сказал, что сходил в домоуправление и выписался из квартиры, Поляков кивнул и попросил старика подождать с отъездом, пока он не вернётся из Самары. Пообещал помочь собраться и отвезти деда до дома сестры. Но настроение у него почему-то испортилось.

Позже, устраиваясь на ночь и слушая, как покашливает в соседней комнате дед, Поляков поймал себя на мысли, что будет скучать без него. Хотя вроде бы должен радоваться, что наконец-то останется один. Он заметил, что дед в последнее время тоже заметно скис, хотя старательно это скрывал. Конечно, легко ли в таком возрасте сняться с насиженного места и уехать в чужой город. Здесь-то всё знакомо: соседи, аптеки, продавцы в магазинах, врачи...

Сейчас, машинально следя за дорогой, Поляков в очередной раз задумался: а может, и не стоит деду никуда уезжать?.. С другой стороны, у него есть одинокая сестра – вот пусть и живут вместе. Дед ему даже не дальний родственник! Они просто случайно оказались на одной территории. А Полякову давно пора устроить личную жизнь. Но это суждение, логичное и правильное, никак не желало укореняться в сознании. На душе по-прежнему было мутно.

Ближе к пяти вечера Поляков шёл к своему подъезду, держа в каждой руке по два пакета из супермаркета. У одного из пакетов лопнула ручка, бутылка молока, упаковка ряженки и банка сгущёнки вывалились на землю.

– Тьфу ты, зараза, – сквозь зубы выругался Поляков. Присел на корточки и принялся собирать продукты.

– Дык давай, что ли, помогу, – раздался сбоку хриплый голос.

Поляков поднял голову и увидел Николая Егорыча, соседа с первого этажа. Несмотря на тёплую погоду, на нём была фланелевая клетчатая рубашка и тренировочные штаны с начёсом. В углу рта торчала неизменная сигарета.

– Ничего, справлюсь, спасибо, – резковато бросил Поляков. Общаться ни с кем не хотелось.

– Ну, как хошь. Как Володька-то? Чё-то не видно его. Не захворал опять, нет?

– Да ничего вроде. К сестре собирается.

– Батюшки! К сестре! – Николай Егорыч поперхнулся и натужно закашлялся.

Поляков закончил сражаться с пакетами и выпрямился.

– Да, а что такого?

– Погоди, не пойму. Дык ему плохо, что ль? – переспросил Николай Егорыч, нахмутив кустистые седые брови.

– Почему плохо-то? – нервно проговорил Поляков.

– Дык, к сестре, говоришь, хочет!

– Хочет, – теряя остатки терпения, подтвердил Поляков, – и что?

– Дык померла сестра-то! – Николай Егорыч смотрел на него, как на умалишённого.

– Как померла? – растерялся Поляков. – Анастасия? Которая в Нижнекамске? Да я же сам собирался его туда отвезти!

– Анастасия-то уж лет пять тому, как померла! Может, больше. Дык он чё сказал...

– Извините, – оборвал его Поляков, – мне нужно идти, – и почти бегом кинулся к подъезду. Николай Егорыч недоумевающее смотрел ему вслед.

Лифт, как обычно, был занят, и Поляков не стал ждать, в два счёта взлетел на свой четвёртый этаж, перепрыгивая через ступеньки. Распахнул дверь, зашвырнул пакеты в угол и с порога проорал:

– Дед! Дед, ты дома?

В квартире стояла тишина. Не раздалась торопливые шаркающие шаги, не послышался в ответ ломкий старческий голос. Поляков окинул прихожую беглым взглядом и увидел в углу синие домашние тапки, которые когда-то купил деду. Теперь тапочки сиротливо притулились возле тумбочки. А вот ключи («палки», как говорил дед) и разношенных коричневых сандалет не было. У Полякова оборвалось сердце. Дед уехал, понял он. Не мог допустить, чтобы Поляков узнал: идти ему некуда.

Поляков тяжело осел на пол, прислонившись спиной к стене. Обхватил голову руками и прикрыл глаза. Из коридора донеслись характерные звуки – на этаже остановился лифт.

«Надо бы дверь прикрыть, а то вся квартира нараспашку», – вяло подумал Поляков, не делая попытки пошевелиться.

– Володя? А я тебя завтра с утра ждал! – вдруг удивлённо произнёс знакомый голос.

Поляков вскинулся и резко повернул голову в сторону двери. В проёме, опираясь на верную палку, стоял дед в стареньком бежевом хлопковом костюме и неизменных сандалиях. В правой руке он держал матерчатую сумку. Перехватив взгляд Полякова, дед поспешно объяснил, чуть приподняв свою авоську:

– Вот, в продуктовый ходил. Думал к завтраму блинов напечь, с творогом. Ты бы с дороги поел. А чего там сидишь-то? Не захворал?

К Полякову наконец-то вернулась способность говорить и действовать. Он поднялся на ноги и шагнул к деду. Тот, ничего не понимая, продолжал с тревогой смотреть на него. Поляков молча улыбнулся и обнял старика, крепко прижав к себе.

«Будем надеяться, она ещё не ушла, – запоздало думал Поляков, направляясь к знакомой двери в конце коридора, – надо было хоть позвонить!»

Додумать он не успел, потому что дверь внезапно отворилась и на пороге возникла девушка в голубом сарафане и белых босоножках. На плече у неё висела сумочка на тонком ремешке.

– Вы?! – тихонько прошептала Катя Белоногова, глядя на Полякова своими невозможными прозрачными глазищами, которые он в последнее время так часто себе представлял. Вспоминал Катину привычку покусывать нижнюю губу, кроткую застенчивую улыбку, полудетский голосок, хрупкую фигурку.

– Я, – просто ответил Поляков.

Секунду-другую оба молчали, не решаясь заговорить. Потом Поляков спросил:

– А вы сейчас... домой? В смысле, рабочий день закончился?

– Да, домой, только вот кабинет запру, – откликнулась Катя, покраснела, повернулась к Полякову спиной и принялась возиться с замком. Руки у неё слегка подрагивали, и замок не желал поддаваться.

– Может, я попробую? – предложил Поляков, но в этот момент ключ наконец-то смилостивился над Катей и повернулся в скважине.

– Уже всё, спасибо, – торопливо проговорила она и отважилась: – Владимир Ильич, а вы... почему вы пришли? Что-то случилось?

Поляков на мгновение прикрыл глаза и сказал:

– Пожалуйста, перестаньте звать меня по имени-отчеству.

– Хорошо... – Девушка чуть запнулась. – Володя...

– Может быть, сходим куда-нибудь сегодня вечером?

– Конечно. Давайте сходим, – согласилась Катя, и Поляков услышал улыбку в её голосе. Волнение куда-то испарилось, он тоже улыбнулся, легко и радостно, и произнёс:

– Катюша, я приглашаю вас на ужин к себе домой. Хочу с дедом своим познакомиться. Если вы не против, конечно.

– Нет, не против, – отозвалась Катя, и они медленно двинулись по коридору к лестнице.